

BRILL

Canadian – American Slavic Studies 45 (2011) 36–75CANADIAN-
AMERICAN
SLAVIC STUDIES|||
brill.nl/css

Обенности военной разведки России на мусульманском Востоке (1856-1890-е гг.)

О.А. Гоков*<Please provide affiliation>**<Please provide e-mail address>*

Abstract*<Please provide abstract>***Keywords***<Please provide keywords>*

Вторая половина XIX в. – время активной экспансии Российской империи на мусульманский Восток. Под последним в данном случае понимаются среднеазиатские государства, Афганистан, Персия, Османская империя, то есть государства и территории, которые находились возле границ империи, имели стратегическую важность и были условно объединены единой культурной традицией, формировавшейся в рамках ислама. Экспансия России в рассматриваемом регионе носила как военно-политический характер, так и экономический, причём эти две составляющие в разное время и в разных частях мусульманского Востока сменяли друг друга в качестве главенствующих. Вполне естественно, что продвижение России не могло осуществляться без определённой подготовки. И такая подготовка велась. Одной из её форм была разведка – экономическая, политическая, военно-стратегическая и др. На мусульманском Востоке именно военные являлись главными проводниками политики империи, они же

© Koninklijke Brill NV, Leiden, 2011

DOI 10.1163/221023911X552007

“открывали” Восток для России. При этом, значительная роль принадлежала офицерам Генерального штаба (далее – ГШ).

Цель данной статьи – исследовать военную разведку Российской империи на мусульманском Востоке, при этом обратив внимание на офицеров ГШ как её непосредственных организаторов. Хронологически статья охватывает промежуток со второй половины 1850-х гг. до второй половины 1890-х гг., то есть то время, когда империя проводила активную политику в рассматриваемом регионе.

До начала 90-х гг. XX в. данная тема оставалась неисследованной в советской историографии. Только в постсоветский период, в 1994–1997 появляются работы, посвящённые разведке. Однако основное внимание в них было сосредоточено на конце XIX – начале XX вв., тогда как рассматриваемый нами период освещён фрагментарно и не всегда точно. К тому же в указанных исследованиях авторы в основном изучали Европейский и Дальневосточный регионы, проблема же военной разведки на мусульманском Востоке оставалась практически неразработанной.¹ Эта тенденция характерна и для наиболее полного на сегодняшний день исследования по истории российской внешней разведки, принадлежащего перу М. Алексеева.² Несмотря на большое количество обработанного материала, его автор основное внимание сосредоточил на центральном аппарате разведки, на её деятельности в Европе и на Дальнем Востоке. Что же касается истории военной разведки в Центральной и Западной Азии в XIX в., то она изложена несколько фрагментарно, а выводы о её деятельности в начале XX в. часто переносятся на вторую половину XIX в., что не совсем корректно, поскольку отличия существовали.

С конца 1990-х гг. наблюдается новый всплеск интереса к рассматриваемой проблематике, причём появляются специальные исследования, в которых раскрываются те или иные частные вопросы, касающиеся деятельности военных разведчиков России в

¹ М. Алексеев, *Лексика русской разведки: (Исторический обзор)* (Москва: Международные отношения, 1996); М. Алексеев, “По ту сторону фронта. Военная разведка России накануне Первой мировой войны”, *Родина*, № 8 (1994); *Очерки истории российской внешней разведки*, в 6 т., гл. ред. Е. М. Примаков (Москва: Международные отношения, 1996), т. 1.

² М. Алексеев, *Военная разведка России: От Рюрика до Николая II*, в 2 кн. (Москва: Издат. дом Русская разведка, 1998), кн. 1.

му-сульманском мире Азии.³ В публикациях, которые появились в указанное время, главное место занимает так называемая “Большая игра” – противостояние Российской и Британской империй в Азии. В этом контексте исследователи стали больше внимание уделять военным разведчикам, как основным идеологами реализаторам политики России

³ Д. Ю. Арапов, “Мусульманский мир в восприятии верхов Российской империи”, *Вопросы истории*, № 4 (2005); М. Ю. Асиновская, “Русская военная разведка на Балканах в конце XIX века”, там же, № 11 (2002); Е. Белов, “Соперничество России и Британской империи в Тибете”, *Азия и Африка сегодня*, № 10 (2002); С. Брежнева, “Присоединение Средней Азии к России”, http://www.rau.su/observer/N06_99/5_22.HTM; З. Вашурина, А. Шишканов, “Родословная военных переводчиков”, <http://www.clubvi.ru/history>; В. И. Гусаров, *Генерал М. Д. Скобелев: Легендарная слава и несбывшиеся надежды* (Москва: Центрполиграф, 2003); Т. Загородникова, “Индийский поход Александра II и его последствия”, *Азия и Африка сегодня*, № 11 (2005); Т. Загородникова, “Индийский поход русской армии и миссия генерала Н. Г. Столетова в Кабул”, *Восток*, № 4 (2006); Д. Н. Замятин, “Русские в Центральной Азии во второй половине XIX века: стратегии репрезентации и интерпретации географических образов границ”, *Восток*, № 1 (2002); *История России: Россия и Восток*, сост. Ю. А. Сандулов (СПб.: Изд-во СПбУ, 2002); С. Исхаков, “Население Памира глазами российских военных”, <http://www.kyrgyz.ru>; Я. А. Карамов, “Граница с Афганистаном в конце XIX-начале XX в. в военно-стратегических планах России”, *Вестник Московского университета*, серия 8: история, № 5 (1999); А. В. Кирилин, “Боевые заслуги М. Д. Скобелева в Туркестане”, *Военно-исторический журнал*, № 7 (2002); В. А. Кирпиченко, “Основные этапы развития российской разведки”, <http://www.fsb.ru/history/read/1997.html>; В. В. Корнеев, “Центральноазиатский регион в военной политике России (XVIII – начало XX в.)”, *Восток*, № 4 (2004); О. А. Красняк, “Русская военная миссия в Иране (1879–1917 гг.) как инструмент внешнеполитического влияния России”, http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/01_2007/Krasniak.pdf; С. В. Лебедев, “Генералы-политики второй половины XIX века”, *Клио*, № 1 (2003); В. Летоу, “Большая игра на Памире. Как русские офицеры отбирали крышу мира у Британии”, <http://www.centrasia.ru/>; Н. Н. Лисицына, “Русские военные агенты в Лондоне в конце XIX – начале XX в.: взгляд на Восток”, *Клио*, № 1 (2005); С. Лурье, “На стыке двух империй (Русские в Средней Азии и англичане в Индии)”, <http://kungrad.com/history/biblio>; С. Лурье, “Особенности русской колонизации в Средней Азии”, <http://www.ca-c.org/journal.shtml>; П. С. Пименов, “Особенности российской геополитики в Азиатско-Тихоокеанском регионе на рубеже XIX – XX веков”, <http://www.history.pu.ru>; А. В. Постников, А. А. Постникова, *Схватка на “крыше мира”. Политики, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX веке* (Москва: Рипол-Классик, 2005); *Разведка и контрразведка в лицах. Энциклопедический словарь российских спецслужб*, автор-составитель А. Диденко, предисл. В. Величко (Москва: Русский мир, 2002); *Россия и Восток: учебное пособие*, под ред. С. М. Иванова, Б. Н. Мельниченко (СПб.: Изд-во СПбУ, 2000); А. Смирнов, “У стен Индии. Памирские походы при Александре III”, *Родина*, № 8 (2001); Н. А. Стародымов, “Отважный разведчик Николай Артамонов задолго до войны сформировал разведывательную сеть в Турции”;

на мусульманском Востоке. При этом авторы работ рассматривают деятельность отдельных офицеров, однако обобщающих выводов о деятельности военной разведки в целом не делают, а если и делают, то они носят поверхностный характер.

В качестве источников нами были использованы опубликованные документы и материалы, работы офицеров, мемуарная литература, документы и материалы архивного хранения.

К первой группе относятся прежде всего сборники документов, посвящённые отдельным проблемам внешней политики России на мусульманском Востоке.⁴ В них содержатся отдельные документы, которые позволяют судить о методах военной разведки и о позициях правящих кругов империи, которые формировались на основе её данных. Важными источниками для изучения нашей темы служат официальные ежегодные издания “Записки военно-топографического отдела Главного штаба” и “Военно-статистический сборник”.⁵ В первом опубликованы отчёты штабов военных округов по военно-разведывательной, топографической и другой смежной деятельности офицеров как внутри России так и вне её. Тут же помещены отчёты офицеров-разведчиков, хотя в основном они носят чисто фактографический характер и содержат информацию географическо-топографического характера. Однако на основе данного издания

Военно-исторический журнал, № 10 (2001); К. А. Сутеева, “Русские военные историки XIX в. о причинах и мотивах движения России на восток”, <http://kungrad.com/history/st/>; В. М. Хевролина, *Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатьев* (Москва: Ин-т истории РАН, 2004); А. Б. Широкопад, *Россия – Англия: неизвестная война, 1857-1907* (Москва: АСТ, 2003).

⁴ “Большая игра” в Центральной Азии: “Индийский поход” русской армии. *Сборник архивных документов*, сост. Т. Н. Загородникова (Москва: Институт востоковедения, 2005); *Голодная степь 1867-1917. История края в документах*, отв. ред. А. В. Станишевский (Москва: Наука, 1981); *Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы*, в 3 т. (Москва: Изд-во АН СССР, 1961-1964); *Присоединение Туркмении к России (сборник архивных документов)*, ред. А. Ильясов (Ашхабад: Изд-во АН ТуркССР, 1960); *Россия и национально-освободительная борьба на Балканах 1875-1878: Сборник документов*, отв. ред. А. Л. Нарочницкий (Москва: Наука, 1978); *Русско-туркменские отношения в XVIII – XIX вв. (до присоединения Туркмении к России): Сборник архивных документов*, сост. Х. Агаев, М. Аннанепесов (Ашхабад: Изд-во АН ТуркССР, 1963).

⁵ *Военно-статистический сборник*, под ред. Н. Н. Обручева (СПб.: Военная типография, 1868), вып. 3; *Записки военно-топографического отдела Главного штаба* (СПб.: Военная типография, 1837-1900).

можно проследить в динамике историю изучения различных частей Азии, а также получить сведения о том, кто именно и какими способами её осуществлял. Что касается второго издания, то оно было результатом обработки в Военно-учёном комитете Главного штаба данных, собранных офицерами во время их командировок за границу.

Значительную ценность представляет программа для российских разведчиков на Востоке, разработанная консулом в Кашгаре М. Ф. Петровским. Она включала список вопросов, на которые разведчики должны были обращать внимание, и общие инструкции поведения при осуществлении разведывательной деятельности.⁶ Для нас она ценна тем, что даёт представление о методах военной разведки на Востоке.

Большую ценность для нас представляют работы офицеров ГШ, поскольку они были организаторами и координаторами разведки империи. Подробнее мы будем останавливаться на них в ходе дальнейшего изложения, здесь же отметим, что из указанных трудов мы получаем сведения об особенностях ведения военной разведки на мусульманском Востоке, о том, что именно интересовало разведчиков. Здесь содержатся разнообразные материалы о политических, экономической, этнической, религиозной и других сторонах жизни региона. Особое внимание офицеры обращали на состояние вооружённых сил, путей сообщения, запасов продовольствия и т.п. Как правило, исследуемый район рассматривался ими с военной точки зрения, как возможный театр боевых действий, отсюда специфика работ.

Значительную группу источников составляет мемуарная литература (дневники, записки, воспоминания). Сюда относятся мемуары высших особ Российской империи. Они позволяют судить о том, какие цели преследовали те или иные разведывательные операции и как данные разведки влияли на взгляды правящих кругов.⁷ Важную

⁶ “Вы посылаются в страну, которую мы мало знаем. Разведывательная ‘программа’ русского консула в Кашгаре Н. Ф. Петровского”, *Источник*, № 6 (2002).

⁷ *Дневник Д. А. Милютин*, в 4 т., ред. П. А. Зайончковский (Москва: Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Отдел рукописей, 1947-1950); Д. А. Милютин, *Воспоминания. 1860-1862* (Москва: Российский фонд культуры, Студия ТРИТЭ, Редакция альманаха Российский архив, 1999); Д. А. Милютин, *Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютин* (1843-1856) (Москва: Альманах Российский архив; Студия ТРИТЭ, 2000).

информацию частного характера можно почерпнуть из ме-муаров лиц, которые прямо или косвенно занимались разведкой.⁸ В частности, это сведения, что не входили в официальные отчёты и касались сложностей работы, межличностных отношений.

Наконец, наибольшую ценность для изучения данной проблемы представляют материалы архивного хранения. Нами были использованы документы Российского государственного военно-исторического архива (далее – РГВИА). Многие из них ещё не введены в научный оборот, поэтому особо ценны для исследователя. В фонде Военно-учёного комитета собраны документы, относящиеся к иностранным государствам.⁹ Здесь находятся ежегодные донесения военных агентов за рубежом, переписка о командировании офицеров в страны Востока, основная часть данных военной разведки, аналитические материалы и т.п. Фонд “Военные действия в Средней Азии” содержит переписку Департамента ГШ с другими центральными ведомствами и штабами азиатских военных округов об организации и проведении покорения местных ханств, о разведке в Афганистане и Центральной Азии в целом.¹⁰ Фонд “Русско-турецкая война 1877-1878 гг.” ценен тем, что его документы позволяют составить впечатление о деятельности военной разведки России в Османской империи.¹¹ Фонд “Персия” содержит часть документов, которые относятся к истории Ирана и русско-иранских отношений.¹² Для данного исследования интерес представляют документы о создании и функционировании Персидской казачьей бригады, поскольку её командир был одновременно и куратором всей разведки России

⁸ Н. Г. Залесов, “Посольство в Хиву и Бухару полковника Игнатъева”, *Русский вестник*, № 2, 3 (1871); *Из тегеранского дневника полковника В. А. Косоговского* (Москва: Изд-во восточной литературы, 1960); В. В. Крестовский, “В гостях у эмира Бухарского (путевой дневник)”, *Русский вестник*, № 2, 3, 5-8 (1884); *Миссия в Хиву и Бухару в 1858 году флигель-адъютанта полковника Н. Игнатъева* (СПб.: Государственная типография, 1897); П. Д. Паренсов, “Из прошлого. (Воспоминания офицера Генерального штаба о войне 1877-1878 гг.)”, *Русская старина*, № 1–12 (1899); П. Паренсов, *Из прошлого*, в 5 ч. (СПб.: Изд-во В. Березовского, 1901-1904); К. Н. Фаврикодоров, “Воспоминания лазутчика русской армии в войну 1877-1878 годов”, *Исторический вестник*, кн. 10, 11 (1885).

⁹ РГВИА, ф. 401.

¹⁰ РГВИА, ф. 483.

¹¹ РГВИА, ф. 485.

¹² РГВИА, ф. 446.

в Персии. В фонде “Афганистан” особенный интерес представляют отчёты офицеров ГШ, которые посещали указанную страну с разведывательными задачами, а также отчёты штаба Туркестанского военного округа о разведке на территории Афганистана.¹³ Кроме названных фондов мы использовали отдельные документы из фондов Главного штаба, “Иностранные войны”, личного фонда В. А. Косоговского и послужные списки на некоторых офицеров.¹⁴

Таким образом, тема исследования обеспечена достаточным количеством источников. Вместе с тем, общий анализ литературы по проблеме показывает, что при наличии значительного количества опубликованных и неопубликованных источников военная разведка России на мусульманском Востоке во второй половине XIX в. остаётся недостаточно разработанной.

К середине 50-х гг. XIX в. военная разведка России на Востоке, как и в целом, не носила систематического характера. Офицеры ГШ или различных родов войск командировались за рубеж по мере надобности либо высшим руководством, либо начальством на местах. Кроме того, информация, необходимая военному министерству, поступала от российских консулов, и других дипломатических представителей России. Она сосредотачивалась во Втором (Военно-учёном) отделении департамента ГШ. Однако сбор разведывательных сведений об иностранных государствах подразумевал лишь обработку поступавших из министерства иностранных дел сведений, а не организацию добывания этих сведений самим военным ведомством. В основном, получение военной информации шло через внешнеполитическое ведомство, поскольку своих официальных представителей военное министерство в других странах не имело. Офицеры российской армии и ГШ, как правило, прикреплялись к дипломатическим миссиям в качестве консулов, вице-консулов, мелких служащих и т. п., не афишируя своего положения, для чего фиктивно уходили в отставку.¹⁵ В странах Востока применялся метод посылки разведывательно-дипломатических миссий, которые возглавляли в основном генштабисты (как официально, так и неофициально). Такой характер, например, носили миссии в Хивинское ханство

¹³ РГВИА, ф. 445.

¹⁴ РГВИА, ф. 400, 409, 441, 486, 488.

¹⁵ И. Деревянко, *Щупальца спрута* (Москва: Яуза, Эксмо, 2004), с. 10-11.

капитана ГШ П. Никифорова в 1841 г. и полковника ГШ Г. И. Данилевского в 1842 г.¹⁶ Помимо этого, офицеров ГШ включали в состав научно-исследовательских экспедиций; или под видом учёных они занимались сбором разведанных (например, в экспедиции натуралиста Г. С. Карелина, изучавшей восточные и юго-восточные берега Каспийского моря в 1836 г., находился отряд топографов, возглавляемый штабс-капитаном ГШ И. Ф. Бларамбергом, а в 1846 г. полковник ГШ М. И. Иванин занимался изучением полуострова Мангышлак).¹⁷ Отсутствие систематического поступления и обновления информации о состоянии вооружённых сил той или иной страны, о возможных театрах боевых действий имело отрицательные последствия для российского военного министерства. Как отмечает М. Алексеев, Крымская война 1853-1856 гг. ярко выявила несостоятельность прежней системы сбора военной, военно-технической и военно-политической информации за рубежом. Так, например, не была своевременно вскрыта подготовка союзников Турции к войне (состояние их вооружённых сил, планы и пр.). Хотя накануне войны в министерство и поступали из министерства иностранных дел отдельные сведения о происходящем перевооружении иностранных армий, но выводы из них сделаны не были, в результате чего российская армия и флот оказались не готовы к войне, столкнувшись на поле боя с новыми, более эффективными видами вооружения (нарезное оружие, паровые броненосцы). Война показала объективную потребность создания в империи зарубежной военной разведки для получения полной и непрерывной информации о состоянии военного дела в иностранных государствах.¹⁸ Необходим был корпус профессиональных разведчиков, способных добывать необходимые сведения различными способами и средствами, а также стройная система разведывательных органов.

¹⁶ Н. А. Халфин, *Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века)* (Москва: Наука, 1974), с. 299-325.

¹⁷ И. Ф. Бларамберг, “Журнал, веденный во время экспедиции для обозрения восточных берегов Каспийского моря в 1836 году. Топографическое и статистическое описание восточного берега Каспийского моря от Астрабадского залива до мыса Тюб-Карагана”, *Записки Русского географического общества*, кн. 4 (1850); М. Иванин, “Поездка на полуостров Мангышлак в 1846 г.”, там же, кн. 2 (1847).

¹⁸ М. Алексеев, *Военная разведка России: От Рюрика до Николая II*, в 2 кн. (Москва: Изд. дом Русская разведка, 1998), кн. 1, с. 51-52.

10 июня 1856 г. был высочайше утверждён “Проект общих статей инструкции агентам, посылаемым за границу”. Это был первый в России документ такого рода. Поскольку в середине XIX в. военная разведка находилась в стадии своего формирования, то единообразной терминологии в отношении разведчиков-военных ещё не существовало. В официальных документах они назывались по-разному: “военными корреспондентами”, “корреспондентами Военного министерства”, просто “агентами”. Поэтому “Инструкция” адресовалась к агентам вообще, но при этом подразумевалось, что последние имели воинское звание и посылались за рубеж военным и морским ведомствами.¹⁹

“Инструкция” определяла сферу деятельности военных агентов. С “самою строгою осторожностью и осмотрительностью” они должны были собирать сведения: а) о числе, составе, устройстве и расположении сухопутных и морских сил; б) о способах правительства к пополнению и умножению вооружённых сил, снабжению армии и флота оружием и “другими военными потребностями”; в) о передвижениях войск, стараясь по мере возможности выяснить их истинное назначение; г) о состоянии крепостей, предпринимаемых новых фортификационных работах для укрепления побережья и других пунктов; д) о новинках в военной технике, вооружении и т. п.; е) о лагерных сборах войск и манёврах; ё) о духе войск, образе мыслей офицеров и высших чинов; ж) о состоянии различных частей военного управления; з) обо всех значительных преобразованиях в армии и изменениях воинского устава, вооружения, обмундирования; и) о новых сочинениях по военным наукам, картах, планах; й) о состоянии военно-учебных заведений (их устройство, методы преподавания, господствующий в них дух); к) об устройстве Генеральных штабов и о степени подготовленности их офицеров; л) о способах передвижения войск по железным дорогам; м) об улучшении военной администрации для ускоренного исполнения письменных дел и сокращения времени передачи приказаний.²⁰

Как видно из документа, круг сведений, которые должен был доставлять военный агент, был весьма широк. Поэтому для исполнения разведывательных функций необходимы были офицеры,

¹⁹⁾ Там же, с. 55.

²⁰⁾ РГВИА, ф. 38, оп. 5, д. 695, л. 26.

хорошо подготовленные не только в военном, языковом, но и в моральном, политическом отношениях. По большей части под такую категорию подходили офицеры ГШ, поскольку, несмотря на все недостатки академического преподавания, они получали разностороннее образование и являлись специалистами не только в военном деле (яркий пример тому – Н. П. Игнатъев).²¹ Не удивительно, что первыми военными агентами, назначенными в страны Европы, были именно такие офицеры. В 1864 г. военные агенты, прикреплённые к российским дипломатическим миссиям, получили официальный статус военных уполномоченных (агентов или атташе) лично императора и формально военному ведомству не подчинялись. Должности военных агентов должны были замещаться исключительно офицерами ГШ. Они были включены в состав дипломатического корпуса, пользуясь всеми, предоставленными ему, правами и привилегиями.²² Это в значительной степени облегчало военным агентам выполнение возлагавшихся задач, поскольку дипломатическая неприкосновенность позволяла им не опасаться за свою жизнь. Военные агенты в европейских странах, чья внешняя политика была непосредственно связана с мусульманским Востоком, стали одним из источников информации о регионе. Особенно это относилось к должности военного агента в Лондоне, поскольку именно Великобритания в рассматриваемый период была главным противником России в Центральной и Западной Азии.²³

Однако в большинстве стран мусульманского Востока даже в начале XX в. Россия не имела своих официальных военных агентов. Это было связано, прежде всего, с особенностями международных отношений в регионе. Страны Востока часто применяли европейское право лишь тогда, когда им это было необходимо, в остальных

²¹ Детальнее о подготовке офицеров ГШ см.: Н. П. Глиноецкий, *Исторический очерк Николаевской Академии Генерального штаба* (СПб.: Тип. Шт. войск гвардии и Петербург. ВО, 1882); О. А. Гоков, "Подготовка офицеров в Академии Генерального штаба в России (1856-1914 гг.)", *Canadian American Slavic Studies*, vol. 39, № 2-3 (2005); А. И. Каменев, *История подготовки офицерских кадров в России* (Москва: ВПА им. Ленина, 1990).

²² "Русская разведка и контрразведка в войне 1904-1905 гг.: Документы", сост. и вступ. ст. И. В. Деревянко, в кн.: *Тайны русско-японской войны* (Москва: Прогресс-Академия, 1993), с. 145.

²³ См. напр.: Н. Н. Лисицына, "Русские военные агенты в Лондоне в конце XIX–начале XX в.: взгляд на Восток", *Клио*, № 1 (2005).

случаях в ход шли местные правовые традиции и законы, поэтому любой дипломат (а тем более – не мусульманин) рисковал жизнью вне пределов столиц государств или крупных городов, даже имея официальный статус. К тому же постоянное военное-экономическое и политическое соперничество России и Великобритании за контроль над странами Азии ставило военных агентов (если таковые имелись) в зависимость от международной обстановки, сковывая их действия. Именно поэтому положение официальных военных агентов здесь отличалось от положения их коллег в Европе.

Ещё одну проблему для работы на Востоке составляла языковая подготовка военных агентов. Она также находилась в стадии становления и развивалась в связи с потребностями империи, возникшими в результате продвижения в Азию. Подготовка специалистов по Востоку (в том числе, и по мусульманскому) в Академии ГШ – высшем военном учебном заведении, готовившем основную часть корпуса будущих военных разведчиков, – началась со второй половины XIX в. Первоначально она носила поверхностный характер. Специальных курсов для изучения Востока и восточных языков в Академии не было. Вопросам Востока уделялось внимание в ходе всего обучения, и здесь получение знаний зависело от желания обучавшихся офицеров. Желавшие служить в дальнейшем на Востоке, в качестве факультативов могли дополнительно изучать иностранные языки, а также углублять свои знания по военной географии, политической истории и пр. Этому способствовала и принятая в Академии ГШ разработка тем на третьем году обучения: офицеры должны были самостоятельно изучать документы, посвящённые Востоку, находившиеся в Военно-учёном архиве Главного штаба, и на их основе проводить аналитические исследования. В качестве дальнейшей подготовки офицеры, окончившие Академию и желавшие служить на Востоке, получали назначения в командировки в те или иные районы Азии с целью получения практики. Многие офицеры, служившие раньше в азиатской части России специально поступали в Академию ГШ, чтобы совершенствовать свои знания, а затем возвращались к месту службы и занимали руководящие посты в военно-гражданском управлении, осуществляя внешне- и внутривнутриполитические замыслы империи.²⁴

²⁴ С. Н. Небренчин, «Мусульманский Восток и русская армия», *Военно-исторический журнал*, № 4 (1995), с. 39-40.

Систематическое поступление материалов по Востоку, необходимых как для военно-политического планирования, так и для подготовки офицеров-востоковедов, шло из штабов военных округов, от военных агентов за рубежом, путешественников и пр. Проходя через канцелярию Военно-учёного комитета, они направлялись в библиотеку Академии ГШ.

Поскольку Россия в течение второй половины XIX в. проводила активную внешнюю политику в Азиатском регионе, возникла необходимость в подготовке офицеров-разведчиков, знающих восточные языки. Но вплоть до начала XX в. отсутствие систематической языковой подготовки оставалось слабым местом в подготовке офицеров-востоковедов. В основной массе офицеры, получая образование в учебных заведениях европейской России, не обучались восточным языкам и не владели ими. Кроме того, сам процесс изучения языка также преследовал в большей степени прагматические, а не научные цели.²⁵ Офицеров, знавших восточные языки, было немного. Языковую подготовку они получали, как правило, по собственной инициативе в высших учебных заведениях империи или овладевали языком самостоятельно во время службы. Естественно, незнание языков восточных народов снижало ценность работ генштабистов, однако осознание необходимости устранения указанного недостатка и меры для этого в высшем руководстве империи созрели не сразу. Важным нововведением в это смысле стало открытие в 1883 г. при курсе восточных языков министерства иностранных дел курса специально для офицеров. Первый выпуск состоялся в 1886 г. Здесь изучали арабский, персидский, турецкий и татарский языки, международное и мусульманское право. Однако количество обучавшихся офицеров было невелико, что было связано, видимо, с тем, что приоритетным направлением во внешней политике империи оставалось европейское, а также со сложностью изучения восточных языков. Ежегодно принимались 5 офицеров, которые по окончании трёхгодичного курса обучения обязаны были прослужить в Азии не менее четырёх с половиной лет. За период с 1886 по 1894 гг. курс окончили лишь 45 офицеров.²⁶

²⁵ Е. С. Сыздыкова, *Российские военные и Казахстан: вопросы социально-политической и экономической истории Казахстана XVIII-XIX вв. в трудах офицеров Генерального штаба России* (Москва: Реклама-Мастер, 2005), с. 69.

²⁶ *Обзор деятельности Военного министерства в царствование императора Александра III. 1881-1894* (СПб.: Государственная типография, 1903), с. 233.

Помимо этого, подготовка офицеров-востоковедов велась в Восточном институте во Владивостоке (создан в 1899 г., имел направленность на Дальний Восток) и на курсах языка индустани (урду) в Ташкенте и Ашхабаде, которые были открыты в 1897 г., а в 1900 г. объединены в Ташкентскую офицерскую школу восточных языков.²⁷ Но этого было явно недостаточно для ведения полноценной разведывательной деятельности в азиатских странах.

Выпускники-востоковеды назначались переводчиками в Главный штаб, штабы округов, окружные газеты. При этом, штатные должности офицеров-востоковедов были строго расписаны и занимались только по прямому назначению, особенно, если это касалось заграничных учреждений, к примеру, консульств в Персии, Турции, где специалисты по странам Востока традиционно были военными агентами.²⁸ Офицеры-востоковеды были на особом счету в Военном министерстве. Подбор их осуществляли заблаговременно, на строго индивидуальной основе, чаще всего из числа офицеров – выходцев из мусульманских регионов империи.

Как видим, несмотря на широту специального образования офицеров ГШ, оно страдало существенными недостатками именно в той области, которая является предметом нашего исследования. Будущие генштабисты не получали ни специальной подготовки по ведению военной разведки, ни систематической языковой, поэтому в дальнейшем, в ходе их службы, большую роль играли личные качества офицеров, их способность к самообразованию, саморазвитию и преданность делу.

Во второй половине XIX в. Россия имела в Азиатском (за исключением Дальнего Востока) регионе лишь одну должность военного агента, которую можно рассматривать в качестве официальной – в Стамбуле. На особом положении также находился командир Персидской казачьей бригады (обязательно офицер ГШ), созданной в конце 1870-х – начале 1880-х гг. для упрочения влияния России в Персии. Официально он заведовал обучением персидской кавалерии, руководил российскими военными инструкторами, но прав военного агента не имел, хотя и подчинялся дипломатическому представителю

²⁷ В. Дубовицкий, “В 2007 году исполняется 100 лет со дня открытия школы восточных языков при штабе Туркестанского военного округа”, <http://www.ferghana.ru/>

²⁸ С. Н. Небренчин, “Мусульманский Восток и русская армия”, с. 40.

России в Тегеране. Однако по объёму и содержанию выполняемой работы, а также по своему реальному положению командир бригады был военным агентом. Справедливее было бы отнести его должность к негласным военным агентам, речь о которых пойдёт ниже, хотя на их общем фоне он выделялся и довольно заметно, поскольку занимался не только военной разведкой (это была одна из его обязанностей), но и активно участвовал в политической жизни Персии (типичный пример – полковник ГШ В. А. Косоговский).

В отношении остальных стран мусульманского Востока практиковалась посылка офицеров, которых можно условно назвать временными военными агентами, хотя официально такой должности не существовало. Их посылали для урегулирования того или иного вопроса, для оказания политического давления на Великобританию в период напряжённости в отношениях с нею, для определения состояния армии, для наблюдения за военными действиями в случае войны и т. п. Временные военные агенты действовали с разрешения правительства принимающей их страны и находились под его покровительством, а, следовательно, и под надзором. Такими агентами были, например, генерал-майор В. А. Франкини в Персии в 1877 г., генерал-майор ГШ Н. Г. Столетов в Афганистане в 1878 г. В отличие от постоянных военных агентов, они получали временные инструкции, в которых был очерчен круг интересов военного министерства в той или иной стране в определённый момент. Эти инструкции служили им руководством к действию. В качестве примера можно привести инструкцию генерал-майору В. А. Франкини перед командированием его в Персию в 1877 г.²⁹ Ему вменялось в обязанность "... доставлять наивозможно точные и положительные сведения о ... : 1) числе, состоянии, устройстве и расположении сухопутных сил Персии; 2) о силе и количестве, качестве иррегулярной кавалерии различных племён, подчинённых Персии, и особенно племён (курдов) турецко-персидской границы; 3) о способах производства к пополнению и усилению вооружённых сил ... и снабжения войска оружием и другим военным (неразборчиво – О.Г.); 4) о различных передвижениях войск ... и истинные их цели; 5) о качествах и недостатках устройства тактического обучения всех трёх родов оружия ... 6) о духе войск и о влияниях, которым подчиняются главные воинские начальники,

²⁹⁾ РГВИА, ф. 446, д. 41, л. 10-13.

а равно и о лицах в персидской армии, которые пользуются наибольшим доверием войска и по своим контактам могли бы быть употреблены с наибольшей пользою для командования войсками или для военного управления; 7) о состоянии различных частей военного управления, как то: артиллерийской, инженерной, интендантской и медицинской, их качествах и недостатках; 8) о всех ... полезных для составления стратегического обзора и исправления карты Персии, составленной в топографическом отделе Кавказского военного округа. Эти сведения должны иметь в виду одну страну и пути пограничной с Россией и Турцией полосы, а именно: а) театр против России (весь Азиатский), в) северный театр против Турции ... с) южный театр против Турции ... Сюда должны относиться и данные для составления сборника маршрутов по Персии, преимущественно от наших сухопутных пределов и каспийских к Тегерану; 9) о продовольственных и перевозочных средствах пограничного театра Персии с Россией и Турцией; 10) о персидско-турецком Курдистане, его племенах, их численности и относительной важности их шейхов и аг; 11) о деятельности иностранцев в Персии, в особенности же англичан. Затем, на случай возможного разрыва Персии с Турцией, на военного агента возлагается собирание и доставление ... сведений 1) о числе войск, которые Персия может выставить для действий наступательных, о распределении сил войск на отряды и о их начальниках; 2) о численности и передвижении турецких войск в пограничной с Персиею полосе, а именно в районах Баязидском, Ванском и Багдадском, в особенности в тех видах, чтобы можно было судить, насколько разрыв с Персиею отвлечёт турецкие силы от наших пределов. Все означенные сведения должно собирать с самою строгою осмотрительностью и тщательно избегать всего, что может навлечь малейшее подозрение местного правительства во всём, что не касается прямой его пользы. Донесения писать на русском языке. Из них должны быть доставляемы: а) в Главный штаб и штаб Кавказского военного округа в определённые сроки к 1 января, к 1 марта и к 1 сентября – общие ведомости о составе, численности и расположении армии и, по мере собирания сведений, донесения о всех изменениях в армии, затрагивающих внимание; в) на имя военного министра и главнокомандующего Кавказской армией с подписью секретно по предметам политическим или административным, заслуживающим особого внимания”.

Постоянные и временные военные агенты должны были согласовывать свои действия (если, конечно, не имели от начальства других

указаний) с дипломатическими миссиями России в странах, куда их посылали. При возникновении каких-либо недоразумений они должны были обращаться к российским дипломатическим представителям за оказанием содействия, помощи и пр. Общей особенностью этих двух видов военных агентов было то, что они считались защищёнными дипломатическим иммунитетом.

Для изучения районов, в которые военные не могли проникнуть официально, направлялись тайные (негласные) военные агенты. В Европейских странах и странах Востока, где имелись официальные военные агенты, они чаще всего прикомандировывались к консульствам в качестве их секретарей. Кроме этого, офицеры-тайные военные агенты совершали поездки по интересовавшим военное руководство странам. Зачастую тайные военные агенты увольнялись в отставку (с возможностью впоследствии вернуться к прежнему месту службы), чтобы не афишировать свою принадлежность к офицерскому корпусу, а в некоторых случаях путешествовали под своим именем, якобы возвращаясь к месту службы из отпуска, или наоборот – находясь в отпуску. Они составляли большинство среди военных разведчиков в странах Востока, поскольку последние ограничивали доступ на свои территории подданных иностранных держав, в том числе и России – непосредственного соседа и потенциального противника. Полученная от них информация часто имела большую ценность, нежели сведения, поставляемые первыми двумя категориями агентов. Тайные военные агенты, как правило, принадлежали к числу офицеров ГШ того или иного пограничного военного округа или (редко) центрального управления, и, занимаясь сбором материалов для военно-статистических описаний приграничных территорий, собирали сведения о дорогах, климате, местном населении исследуемого района. Они использовали в качестве прикрытия истинных целей своей миссии торговые общества, Русское географическое общество, церковь, выступая в качестве купцов, учёных-исследователей, путешествующих к святым местам богомольцев. Риск быть захваченным в плен, проданным в рабство, убитым был велик. Именно поэтому для выполнения наиболее опасных миссий подбирали опытных офицеров, долгое время служивших на восточных рубежах империи и знавших традиции и нравы местного населения. По той же причине до конца века преимущество отдавалось снаряжению военно-научных экспедиций с разведывательными целями, в состав которых в качестве начальников (чаще всего) или участников

входили и офицеры ГШ. Практиковались и поездки офицеров ГШ в одиночку под видом путешественников, возвращающихся в Россию, или в качестве едущих в отпуск. Характерно, что официальные и неофициальные военные агенты чаще всего не были связаны между собой и действовали разобщённо. К тому же, специальной подготовки они не получали, поэтому вели работу, полагаясь больше на собственные представления об этой деятельности и на опыт.

Что касается структуры разведывательных органов военного ведомства, то впервые специальные центральные органы были созданы в 1863 г. в составе Главного управления Генерального штаба (далее – ГУГШ), структуры, появившейся на короткий срок в период милютинских реформ. Разведывательные функции были возложены на его Третье (Военно-учёное) и Второе (Азиатское) отделения. Координацией сбора необходимой военно-статистической и военно-политической информации, а также снаряжением военно-научных экспедиций должно было заниматься Второе отделение ГУГШ.³⁰ К зарубежным силам обоих отделений относились военные агенты и лица из состава военно-научных экспедиций. Учреждение ГУГШ носило экспериментальный характер, и уже в 1865 г. оно было слито с Инспекторским департаментом в Главный штаб. За этим последовали изменения и в структуре высших разведывательных органов. После реорганизации 1865 г. Третье отделение ГУГШ стало Седьмым (Военно-учёным) отделением Главного штаба. На него было возложено собирание сведений об иностранных армиях. В январе 1867 г. это отделение было передано в состав Совестьательного комитета, сформированного для направления учёной деятельности ГШ и Корпуса военных топографов по всем отраслям их специальности. В марте того же года комитет был переименован в Военно-учёный комитет и под этим названием просуществовал до 1900 г. Разведывательные функции через военных агентов и другими способами выполняла Канцелярия Военно-учёного комитета. По штату она состояла из управляющего делами и пяти делопроизводителей. После российско-турецкой войны 1877-1878 гг. их количество было доведено до четырнадцати.³¹ Военно-учёный комитет являлся своего

³⁰ “Приказ военного министра № 349 от 16 октября 1863 г.,” в кн.: *Сборник приказов военного министра за 1863 год* (СПб.: Б. и., 1864), с. 11.

³¹ *Военная энциклопедия*: в 18 тт., гл. ред. В. Ф. Новицкий (СПб.: Т-во И. Д. Сытина, 1912), т. 6, с. 557.

рода мозгом Главного штаба, поскольку в него стекалась информация о военно-политическом состоянии зарубежных государств, там разрабатывались планы возможных военных операций, изучались возможные театры военных действий. Расцвет Военно-учёного комитета был связан с фамилиями двух видных военных деятелей, возглавлявших его – Н. Н. Обручева (1867-1881 гг.) и Ф. А. Фельдмана (1881-1896 гг.). При первом были изданы четыре выпуска “Военно-статистического сборника”, которые являлись наиболее полными справочниками для своего времени и представляли собой основной источник сведений о главных странах Европы, Азии и Америки. При втором был начат выпуск “Сборника географических, топографических и статистических материалов по Азии”, где помещались отчёты, донесения и аналитические статьи офицеров ГШ, армейских офицеров, дипломатов, посвящённые военно-политическому, военно-статистическому, экономическому, стратегическому положению отдельных стран или районов Азии, переводы наиболее значимых в военно-политическом отношении статей иностранных авторов; также было издано 17 выпусков “Сборника новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств”.

Важным событием стало выделение в Главном штабе Азиатской части (бывшее Азиатское отделение) в качестве автономного подразделения. Это свидетельствовало о резко возросшем значении “азиатского” направления во внешней политике империи. Согласно штату, “в Азиатской части сосредотачиваются дела, касающиеся военных округов: Кавказского, обоих Сибирских, Оренбургского и Туркестанского, а именно: 1) по составлению предположений о занятиях и действиях войск в означенных краях империи и составление из военных журналов известий для обнародования; 2) по устройству там военно-народных управлений и путей сообщений; 3) по снаряжению туда военно-учёных и других экспедиций”. Штат её включал заведующего и его помощника.³²

Активизация внешнеполитической деятельности Российской империи в Азии в 1860 – 1880-е гг. привела к тому, что возникла необходимость в преобразовании Азиатской части Главного штаба. Возраставший объём задач уже не соответствовал возможностям её штата. Долгое время увеличение штатного количества части откладывалось из-за нехватки денежных средств, а недоукомплектованность

³²) Свод военных постановлений (СПб.: Гос. Типография, 1869), ч. 1, кн. 1, с. 24.

пытались ликвидировать путём прикомандирования офицеров, состоящих для поручений при Главном штабе. Лишь в 1886 г. было утверждено новое “Положение об Азиатской части”. Её разведывательные функции были сохранены. В последующие годы функции и объём делопроизводства части только расширились в связи с завоеваниями и установлением границ империи в Азии. В 1894 г. Азиатская часть имела неофициальное, но чёткое внутреннее устройство. Она подразделялась на три делопроизводства. Первые два – по делам азиатских военных округов, а третье – по военно-статистической части (сношения с военными агентами и снаряжение военно-научных экспедиций). Личный состав части состоял из заведующего, трёх делопроизводителей и четырёх помощников, двух чиновников и одного офицера-топографа.³³

В ходе военно-окружной реформы середины 1860-х гг. империя была разделена первоначально на 10 военных округов. Со временем их число менялось, но принцип организации оставался прежним.³⁴ Введение окружной системы повлекло за собой и создание специальных органов военной разведки в штабах военных округов, которые должны были вести разведдеятельность в отношении государств, граничащих с территорией округа. Органы разведки в округах и подчинённых им соединениях комплектовались офицерами ГШ. Предполагалось, что офицеры, находившиеся на должностях ГШ в штабах соединений, будут организовывать и вести разведку, включая и тайную агентурную, однако на практике особенно последнее делалось лишь в редких случаях, поскольку много времени у этих офицеров отнимала канцелярская переписка. Организация разведки сопредельной стороны и сбор разведывательной информации вменялись в обязанность Отчётных отделений Управлений генерал-квартирмейстерств штабов военных округов, которые возглавлялись офицерами ГШ в должности старшего адъютанта. Координацию разведывательной работы штабов военных округов, хотя это и не предусматривалось напрямую действовавшими документами, осуществлял Главный штаб. Между штабами военных округов и центральными органами военной разведки не существовало чёткого разграничения в распределении разведывательных задач и глубины ведения разведки

³³) Там же, кн. 1, с. 70-71.

³⁴) Подробнее: Л. Г. Бескровный, *Русская армия и флот в XIX веке: военно-экономический потенциал России* (Москва: Наука, 1973), с. 206 и след.

за рубежом. Не было организовано и оперативного взаимодействия при решении разведывательных задач и чёткой системы взаимного обмена разведывательной информацией. Разведывательные органы штабов военных округов в своей деятельности привлекали к тайному сотрудничеству иностранцев, командировали (открыто или тайно) офицеров ГШ, использовали тайных военных агентов на консульских должностях в Азии, осуществляли через тайную агентуру добывание разведывательных сведений и материалов.³⁵

Совершенствование военного дела во второй половине XIX в. требовало совершенствования и работы военной разведки. В 1880 г. была утверждена новая «Инструкция военным агентам, или лицам их заменяющим».³⁶ Здесь речь шла уже о военных агентах, которые назначались для доставления правительству «полных, точных и своевременных сведений о военных силах и средствах иностранных государств». Военный агент был обязан подробно изучать: а) состояние и комплектование вооружённых сил государства, в котором находился; б) организацию и численность их в мирное и в военное время; в) расположение, мобилизационные способности; г) устройство материальной и хозяйственной частей; д) устройство отраслей военного управления; е) тактическое обучение войск (уставы, занятия во время сборов и т. п.); ё) бюджет государства, особенно военный; ж) общую систему обороны государства.

Военный агент обязан был следить за всеми изменениями в вооружённых силах «подведомственной» ему страны, за сборами, учениями, за настроениями в армии и в печати «всемерно и постоянно стараясь дать себе и правительству ясный и верный отчёт об оборонительной и наступательной готовности государства». Кроме того, военный агент должен был тщательно изучать пограничные с Россией области в военно-статистическом отношении, т. е. как театры возможных боевых действий, а заодно и заблаговременно заниматься «приисканием надёжных лиц, через посредство которых можно бы было поддерживать связи со страной в случае разрыва и получать верные сведения даже тогда, когда официальное представительство наше её оставит». Военным агентам предписывалось действовать по возможности тайно, чтобы не возбуждать подозрений местного

³⁵ М. Алексеев, *Военная разведка России: От Рюрика до Николая II*: в 2 кн. (Москва: Изд. дом Русская разведка, 1998), кн. 1, с. 98-99.

³⁶ РГВИА, ф. 401, оп. 4, д. 2, л. 8-12.

правительства. В официальных сношениях они обязаны были подчиняться дипломатическим представителям России, сообщая им все результаты своей деятельности. Свои донесения военные агенты должны были писать на русском языке и адресовать: особо важные и тайные – на имя военного министра с надписью “секретно”, все остальные – в Военно-учёный комитет.

Данная инструкция относилась и к официальным военным агентам на мусульманском Востоке. Но поскольку большинство из них составляли здесь негласные и временные агенты, то имела место определённая специфика. О том, как была построена разведка военных округов в регионе и какие именно сведения необходимо было здесь собирать военным агентам, общее представление дают сообщение штаба Кавказского военного округа и “Программа наставлений и вопросов”, составленная в 1880-е гг. российским консулом в Кашгаре Н. Ф. Петровским. В первом из указанных документов читаем следующее: “В штабе Кавказского военного округа при группировке собираемых и разрабатываемых им материалов о землях, сопредельных с Кавказом и Закаспийским краем, страны разделены на два района: I) Азиатская Турция и II) Персия с Мервом и Гератом, а для района установлено следующее подразделение на пять глав:

- 1) общее географическое описание всей страны или отдельной области;
- 2) население;
- 3) пути сообщения в смысле проходимости страны, общая сеть дорог и телеграфных линий;
- 4) военные средства страны: устройство вооружённых сил, пополнение армии и её мобилизация, продовольствие, перевозочные средства, укрепленные пункты и разного рода склады;
- и 5) топографические описания отдельных участков и подробные маршруты и описания путей”.³⁷

Что касается “Программы ...” Н. Ф. Петровского, то в первой её части содержатся рекомендации агентам о том, как себя вести в

³⁷⁾ *Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии*, вып. 4 (1883), с. II.

стране, куда они посланы, чтобы не быть разоблачённым. При этом, Н. Ф. Петровский не рекомендовал скрывать своё российское подданство, поскольку “такая ненужная ложь”, если агента кто-то узнает, может подвергнуть его опасности и испортит дело. Но, с другой стороны, при поездке по территориям, где “народ не знает русских”, рекомендовалось не раскрывать своей принадлежности к России, поскольку его могут принять за врага. Вторая часть “Программы” содержит 70 вопросов, касающихся различных сторон жизни страны. Агента должны были интересоваться этнический состав населения и взаимоотношения между различными этническими группами в стране, сведения о крупных городах, торговле, налоговой системе, об отношении местного населения к центральному правительству, о проникновении на рынки страны английских товаров и английских подданных вообще, о политическом устройстве страны, подробные сведения об армии.³⁸ Указанная программа не была официальной, однако долгое время оставалась руководством к действию для разведчиков на мусульманском Востоке.

Что касается форм осуществления военной разведки на мусульманском Востоке, то их можно выделить четыре: рекогносцировки, военно-научные экспедиции, военно-дипломатические миссии, агентурная разведка. При этом необходимо оговориться, что в мирное и военное время эти формы несколько отличались по содержанию. Рассмотрим сначала особенности мирного времени.

Рекогносцировки представляли собой, как правило, изучение и топографическую съёмку местности определённого (чаще всего – приграничного) района. Ими занимались офицеры штаба военного округа, в зону ответственности которого входили те или иные районы стран Востока. Рекогносцировки проводили преимущественно офицеры ГШ: только или недавно окончившие Академию ГШ – в первую очередь, для оттачивания навыков, а служащие по ГШ не первый год – для картографирования сложных с топографической или с политической точки зрения районов. Здесь уместно упомянуть высказывание М. И. Венюкова, считавшего, что главное для офицера ГШ – уметь “схватывать самому и передавать другим характер местности на отдельной ли позиции, или в целой стране”, поскольку “местностью

³⁸) “Вы посылаются в страну, которую мы мало знаем”. Разведывательная ‘программа’ русского консула в Кашгаре Н. Ф. Петровского”, *Источник*, № 6 (2002), с. 52-56.

определяются все движения войск и их предварительное расположение для боя, да кроме того, на офицерах ГШ обыкновенно лежит обязанность осматривать и описывать новые страны, куда нет доступа топографам ... и геодезистам ...³⁹ Помимо них в рекогносцировках могли участвовать и офицеры разных родов войск, служившие в данном округе. По возвращении из рекогносцировки офицеры составляли краткий военно-географический очерк района манёвров, в котором анализировали не только пути продвижения войск, характер местности и настроения местного населения, но и высказывали предположения о необходимых мерах для обеспечения нормального движения войск, поставок воды, пищи, фуража. Этот вид разведки давал штабу округа представления географических особенностях местности возможного театра боевых действий. Сведения рекогносцировок чаще всего использовались для составления географических, топографических, военных и других карт. В 1850-е – 1880-е гг. рекогносцировки носили практический характер, поскольку обеспечивали картографическим материалом расширение империи на Восток. К тому же их выполнение можно было смело приравнять к боевой задаче, поскольку производившие рекогносцировки офицеры делали их на территории государств, правители и население которых часто были враждебно настроены по отношению к России и к русским, поэтому жизнь разведчика постоянно подвергалась угрозе. Ярким примером такого рода рекогносцировок является экспедиция 1859 г. во главе с полковником ГШ В. Д. Дандевиллем на побережье Каспийского моря с целью учреждения места для торговой фактории, а также для осуществления съёмки побережья.⁴⁰ Но с утверждением границ России в Центральной Азии в 1890-е гг. рекогносцировки приобрели иное наполнение. Они стали обыденным занятием для штабных офицеров. Некоторые из них, пытаясь уклониться от опасных для жизни поездок по приграничной с Афганистаном полосе, предпочитали проводить рекогносцировки в зависимых от России среднеазиатских ханствах. Служивший в Туркестане в начале XX в. Б. М. Шапошников в своих воспоминаниях отмечал: “Просматривая старые рекогносцировки маршрутов в горах и песках Туркестана, мы ... поняли, что эти

³⁹ М. И. Венюков, *Из воспоминаний*, в 3 кн. (Амстердам: Б. и., 1895), кн. 1, с. 174.

⁴⁰ *Русско-туркменские отношения в XVIII-XIX вв. (до присоединения Туркмении к России). Сборник архивных документов*, сост.: Х. Атаев, М. Аннанепесов (Ашхабад: Издательство АН ТуркмССР, 1963), с. 464.

рекогносцировки были доходной статьёй для выполнявших их офицеров Генерального штаба. Желających ехать в горы было много”.⁴¹

Военно-научные экспедиции как форма военной разведки применялись на мусульманском Востоке российским правительством особенно активно в 1840-е – 1860-е гг. На первом месте среди задач таких экспедиций стояли именно военные. Возглавляли их либо видные учёные, либо офицеры (в том числе – и генштабисты), либо торговцы. Чаще всего такие экспедиции осуществлялись под прикрытием Русского географического общества и официально имели вид научных. Разведка производилась комплексно. В составе экспедиции обязательно присутствовали топограф либо офицер ГШ, иногда оба сразу, а иногда топографов могло быть несколько. В их обязанности входила съёмка местности для последующего нанесения на карту, изучение путей возможного продвижения войск, их обеспеченность водой, запасами пищи, фуража, знакомство с местным населением (с его положением, социальной и экономической структурой, особенностями существования на той или иной территории, в том или ином социуме), по возможности – изучение особенностей государственного устройства стран, через или в которые направлялась экспедиция. Типичными примерами указанных экспедиций могут служить миссия горного инженера К. Бутенёва в 1841 г. в Бухару, к которой был прикомандирован отряд топографов, возглавляемый полковником ГШ И. Ф. Бларамбергом, научная миссия учёного-востоковеда Н. В. Ханькова в Восточную Персию в 1858 г., торговые экспедиции в Среднюю Азию полковника ГШ А. И. Глуховского, экспедиция в Турцию под общим руководством капитана ГШ Кортацци в 1867 г., поездка по Османской империи подполковника ГШ Н. Д. Артамонова в 1869 г., посылка в Афганистан каравана, возглавляемого полковником ГШ Жуковским 1874 г., “для прокладывания пути русским товарам в Среднюю Азию через Красное море” и др.

Как показал опыт, военно-научные экспедиции прямо предшествовали военному наступлению России в район Востока, куда они были направлены. К концу XIX в., с завоеванием Средней Азии и установлением границ империи в Центральной Азии в целом, посылка военно-научных экспедиций на территории сопредельных государств

⁴¹⁾ Б. М. Шапошников, *Воспоминания. Военно-научные труды* (Москва: Воениздат, 1974), с. 172.

стала осуществляться значительно реже. Участились случаи командирования за границу с разведывательной целью офицеров ГШ, в качестве негласных военных агентов, как под своими фамилиями, так и инкогнито под различными предлогами (путешествие, возвращение из (отбытие в) отпуска, научная деятельность и т.п.), причём иногда без ведома министерства иностранных дел. Особенно это касалось Афганистана – страны закрытой для иностранцев и поэтому представлявшей большую проблему для российской военной разведки на мусульманском Востоке.

В 70 – 90-е гг. военно-научные экспедиции в Средней Азии уже большей частью были направлены на исследование присоединённых земель. Научная составляющая вышла на первый план, отеснив военную. Ими проводились описание, картографирование ранее не изученных районов. Например, в 1876 г. полковник ГШ А. Н. Куропаткин провёл съёмку границы с Кашгарией; в 1883 г. топографические съёмки Памирского края были сделаны экспедицией капитана ГШ П. Д. Путяты; в 1882 г. подполковник ГШ Александров исследовал пути к Каспийскому морю; в 1884-1885 гг. две экспедиции с целью исследования путей по Устюрту и Амударье совершил полковник ГШ Н. Н. Белявский; в 1880-е – 1890-е гг. ряд экспедиций по Средней Азии осуществил капитан (а позже – подполковник) ГШ П. К. Залесский.⁴² Все вышеперечисленные экспедиции внесли много нового в изучение Средней Азии.

Что касается военно-дипломатических миссий, то они имели много общего с военно-научными, но при этом существенно от них отличались. Отличие заключалось в том, что на первом месте среди задач миссий стояли дипломатические, а остальные являлись производными от них. Нужно отметить, что генштабисты как находились в составе дипломатических миссий, так и сами возглавляли их.

⁴² Александров, “Записка в новом пути от г. Кунград к заливу Мёртвый Култук на Каспийском море”, *Сборник географических, статистических и топографических материалов по Азии* (далее – СМА), вып. 9 (1884); Белявский, “Исследование пути от залива Цесаревича через Устюрт до Кунграда”, СМА, вып. 15 (1885); Н. Н. Белявский, “[Сообщение об исследованиях Амударьи от Петро-Александровска до Чарджуя]”, *Известия Русского географического общества*, т. 22 (1886); А. Н. Куропаткин, *Кашгария* (СПб.: Тип. В. С. Балашёва, 1879); О. В. Маслова, *Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию*, в 5 ч. (Ташкент: Изд. ФАН УзССР, 1971), ч. 4, с. 44–55; Путята, “Очерк экспедиции в Памир, Сарыкол, Вахан и Шугнан”, СМА, вып. 10 (1884).

В первом случае они играли подчинённую роль и выступали не столько в роли дипломатов, сколько в роли разведчиков. В качестве примера могут служить посольство полковника С. А. Носовича в Бухарское ханство в 1870 г., в состав которого входил штабс-капитан ГШ Л. Ф. Костенко, которому удалось произвести работы топографического характера,⁴³ посольство А. К. Струве в Бухару в 1873 г. (в его состав входил подполковник ГШ барон Г. А. Аминов).⁴⁴ Во втором же случае офицеры ГШ возглавляли миссии и совмещали свою должность с дипломатической работой. Примерами таких миссий могут служить дипломатическое посольство Н. П. Игнатьева в Хиву и Бухару в 1858 г. (наиболее яркий пример дипломатической деятельности генштабистов),⁴⁵ посылка в Персию в 1877 г. генерал-майора В. А. Франкини и капитана ГШ Гибера,⁴⁶ миссия генерал-майора ГШ Н. Г. Столетова в Афганистан в 1878 г.⁴⁷ Как правило, посылая такие миссии, российское правительство преследовало тактические цели: в случае с Н. П. Игнатьевым – исследование политико-экономической ситуации в ханствах; в случаях с Н. Г. Столетовым – политические манёвры для отвлечения Великобритании от дел на Балканах. Но при этом миссии собирали сведения (как политического, так и военного характера) и о стране пребывания, и о международной обстановке в регионе. Нужно заметить, что важным отличием миссий и указывавшихся выше военно-научных экспедиций было то, что участвовавшие в них офицеры ГШ должны были предоставить в качестве отчёта не

⁴³ Л. Ф. Костенко, “Город Бухара в 1870 г.”, *Военный сборник*, № 12 (1870); Л. Ф. Костенко, “Путешествие русской миссии в Бухарское ханство в 1870 году”, там же, № 10 (1870); С. А. Носович, “Русское посольство в Бухару в 1870 году”, *Русская старина*, т. 95 (1898), кн. 8, с. 271-90, кн. 9.

⁴⁴ РГВИА, ф. 483, д. 117, л. 41.

⁴⁵ Н. А. Халфин, “Три русские миссии. Из истории внешней политики России на Среднем Востоке во второй половине 50-х годов XIX века”, *Труды среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина*, новая серия, вып. 78: исторические науки, кн. 13 (Ташкент: Изд-во САГУ, 1956).

⁴⁶ РГВИА, ф. 446, д. 41.

⁴⁷ *Большая игра в Центральной Азии: “Индийский поход” русской армии: Сб. архивных документов*, сост. и авт. предисл. и примечаний Т. Н. Загородникова (Москва: Институт востоковедения, 2005); О. А. Гоков, “Офицеры Генерального штаба во внешней политике России в отношении Афганистана и Индии (70-е гг. XIX - 1914 г.)”, *Russian History*, vol. 32, № 1 (2005); Т. Загородникова, “Индийский поход русской армии и миссия генерала Н. Г. Столетова в Кабул”, *Восток*, № 4 (2006).

простое военно-топографическое или геодезическое описание, как при рекогносцировках, а полноценное военно-статистическое с чуть ли не подневным расписанием своих действий. Здесь требовалось не простое описание, а анализ. Военно-статистический отчёт отличался тем, что в него, помимо собственно военно-топографического и геодезического описаний местности (то есть подробного отчёта о пройденном пути и возможных маршрутов для продвижения войск), входили исторический очерк и очерк о современном положении дел в исследуемой стране или районе, политический и экономический анализ, разбор состояния и расположения вооружённых сил, сведения об английском или другом влиянии на дела в районе исследования. В качестве примера такого рода работ может служить “Отчёт о поездке начальника штаба войск Сырдарьинской области ...” полковника ГШ П. П. Матвеева по бухарским и афганским владениям в 1877 г.⁴⁸ Кроме того, офицеры – главы миссий – должны были предоставить письменный отчёт и по непосредственному дипломатическому заданию, которое они получили перед отправкой.

Однако наиболее распространённой формой военной разведки в мирное время была агентурная. Ею занимались как непосредственно военные агенты, так и офицеры ГШ при штабах военных округов, причём они одновременно и руководили ею. Офицеры ГШ при штабах военных округов координировали поступление разведывательной информации в штаб округа, откуда та, в свою очередь, поступала в Главный штаб. Здесь она проходила соответствующую обработку, после чего поступала в распоряжение военного министра, который оперировал ею на совещаниях высших чинов империи, посвящённых разработке вопросов внешней политики.

Следует сказать, что “военная агентура” или “работы по военной агентуре”, как агентурную разведку именовали в XIX в., включала в себя не только работу с агентами (шпионами). Так, например, хорошее представление о её наполнении даёт описание “работ по военной агентуре”, представленных в штаб Кавказского военного округа ротмистром Бельгардом, в 1893-1894 гг. исполнявшего обязанности командира Персидской казачьей бригады и, одновременно, военного агента России в Персии. За полуторагодичное пребывание в Персии он предоставил сведения о персидской армии (дислокация,

⁴⁸) РГВИА, ф. 445, д. 16.

обозначение списочного и наличного числа чинов каждой части и имён командиров частей, количество и род орудий и вооружений в целом), составил карту Персии, сделал 33 маршрутных описания и личных рекогносцировки, составил 20 работ по текущей военной агентуре (18 рапортов и две подробные записки о состоянии дел в стране).⁴⁹

Естественно, что помимо личных работ офицеров ГШ (военных агентов или офицеров штабов военных округов), агентурная разведка включала в себя и подбор агентов в странах, на которые она распространялась. Способы вербовки агентов на мусульманском Востоке были различны, но сопряжены с определёнными сложностями, обусловленными различиями мусульманской и христианской культур. Только в балканских владениях Османской империи, где порабощённое христианское население видело в России защитницу, проблем с вербовкой было меньше, по крайней мере до войны 1877-1878 гг. Христианские подданные Турции охотно помогали российской военной разведке даже не беря за это денег. Но в целом на мусульманском Востоке ситуация с вербовкой агентов была не такой простой. Агентов вербовали в России и за рубежом. В России этим занимались в основном окружные штабы, но иногда агентов вербовали и в более высоких кругах. В качестве агентов выступали как российские подданные, так и подданные других стран. К примеру, российские купцы, учёные или просто путешественники, направлявшиеся через районы, интересовавшие военное министерство, получали от него непосредственно тайные задания (особенно в 1850-е – 1870-е гг.) и, параллельно со своими делами, занимались сбором разведывательной информации. Что касается подданных иностранных государств, то это могли быть и путешественники из Европы, но чаще всего – представители Востока – торговцы, имевшие дела в России, отдельные государственные деятели, простые крестьяне или проходимцы, которые нуждались в деньгах. С включение среднеазиатских ханств в состав России их жители часто использовались для агентурной разведки в соседних странах, поскольку принадлежали к одной культуре и разоблачить их было сложнее, чем русских. В качестве примера можно привести посылку начальником штаба Туркестанского военного округа генерал-майором ГШ К. И. Разгоновым лазутчика Мустафы из Ташкента в Афганистан

⁴⁹ РГВИА, ф. 446, д. 47, л. 61-64.

в 1885 г. Пользуясь своей азиатской внешностью, Мустафа проник на территорию соседнего государства. Здесь он остановился у араба (так в документе), которому рассказал легенду о том, что у него умерли жена и дети, а поверенный украл деньги и скрылся в Афганистане, и он его преследует. Араб поверил этой легенде, помог Мустафе получить у местных властей бумагу, подтверждающую его историю и разрешающую пребывание в стране. В дальнейшем своём путешествии по Северному Афганистану Мустафа называл себя богомольцем, несущим подарки имаму. По возвращении в пределы российских владений, Мустафа предоставил отчёт (видимо, устный) о настроениях местного населения, сводившийся к тому, что местное население не любит афганцев, афганцы не любят русских, а англичан не любят все.⁵⁰

За рубежом агентурную сеть налаживали как военные агенты, так и офицеры-путешественники.

Можно выделить следующие способы вербовки агентов. Первый – добровольно-принудительный: будущие агенты либо сами предлагали сотрудничество (к примеру, в европейских владениях Турции) либо получали разведывательные задания “в нагрузку” к основным (купцы, путешественники и пр.). Второй – подкуп. На мусульманском Востоке этот способ вербовки агентуры был широко распространён. Брать деньги за предоставление информации не брезговали ни бедные, ни богатые, ни простые крестьяне, ни чиновники, ни даже представители верховной власти (типичный пример – Персия, где продавалось и покупалось всё, главное – кто больше заплатит). Наконец, третий – принуждение к шпионажу в пользу России путём шантажа. Этот способ имел небольшое распространение.

Что касается доставляемой агентами информации, то она носила различный по степени ценности характер. В основном, это были отрывочные сведения. Но на основе комплекса таких сведений, полученных из разных источников, от разных агентов и составлялись при штабах военных округов общие аналитические или обзорные отчёты. Здесь необходимо отметить тот факт, что информация от военных агентов на мусульманском Востоке чаще всего также поступала в штабы военных округов. Военный агент замыкал на себе круг военной агентуры в стране пребывания, его положение отличалось от

⁵⁰ РГВИА. ф. 445, д. 26, л. 14-36.

положения штабных офицеров тем, что он мог проверить донесения своих агентов на месте, объективно оценить их важность и полноту. В штаб округа офицер отправлял не разрозненные отчёты, слухи и донесения, а основанный на работе агентуры и собственной информационно-аналитический доклад в виде рапорта. Естественно, это выгодно отличало сведения военных агентов от информации низовой агентуры, которую в штабе нужно было проверять и перепроверять, поскольку особой чистоплотностью в своём деле последняя не отличалась.

Нужно отметить, что указанные формы военной разведки часто переплетались между собой, что иногда затрудняет систематизацию. Например, агентурной разведкой занимались и участники военно-научных экспедиций, и военно-дипломатических миссий, а выполнявшие дипломатические функции офицеры параллельно проводили военно-научные наблюдения. Да и рекогносцировки зачастую производились в ходе выполнения “работ по военной агентуре”.

Что касается военного времени, то указанные формы военной разведки сохранялись, но изменялось их наполнение. Хорошими примерами, иллюстрирующими данное утверждение, могут служить Хивинский поход 1873 г. и русско-турецкая война 1877-1878 гг.⁵¹ Необходимо отметить, что в период покорения Средней Азии военные и мирные формы военной разведки иногда переплетались так, что чёткого различия между ними выделить не удаётся. Однако в целом различия всё-таки существовали.

Так, рекогносцировки во время войны носили практический характер: разведка местности для прохода войск, для расположения их лагерем, исследования театра предполагаемых боевых действий, сбор сведений о противнике. На занятой российскими войсками территории они вновь приобретали то же наполнение, что и в мирное время. Например, в ходе войны России с Турцией в 1877-1878 гг., указанными работами занимался полевой Военно-топографический отдел, который возглавляли офицеры ГШ.⁵² После окончания войны одной из

⁵¹ Подробнее см.: О. А. Гоков, “Офицеры российского Генерального штаба в Хивинском походе 1873 г.,” в *Наука и образование: Материалы всероссийской научной конференции* (Белово: Беловский полиграфист, 2003); О. А. Гоков, “Офицеры российского Генштаба в русско-турецкой войне 1877-1878 гг.,” *Вопросы истории*, № 7 (2006).

⁵² О. А. Гоков, “Офицеры российского Генштаба в русско-турецкой войне 1877-1878 гг.,” там же, с. 146.

важных задач рекогносцировок становилась съёмка местности для установления точной границы на карте. Для этого создавались разграничительные комиссии из заинтересованных сторон, в которых обязательно присутствовали офицеры ГШ. Они, собственно, съёмочные работы и возглавляли.

Военно-научные экспедиции в военное время прежде всего должны были обеспечивать войска необходимой информацией, хотя этим их задачи не ограничивались. Например, перед второй Ахал-Текинской экспедицией российских войск начальник штаба отряда М. Д. Скобелева полковник ГШ Н. И. Гродеков был направлен в Персию для закупки продовольствия и фуража в Астрабаде и Хорасане. По настоянию персидского шаха он и его сопровождавшие были переодеты в гражданскую одежду и представлялись в качестве коммерческих агентов, чтобы «предупредить нарекания со стороны английских агентов».⁵³ Н. И. Гродеков с отрядом из 24 человек успешно справился с возложенными на него задачами, обеспечив снабжение отряда М. Д. Скобелева продовольствием и фуражом, заодно произведя военную разведку местности и разузнав настроения местного населения.⁵⁴ После того, как войска продвигались в глубь территории, исследовательская составляющая военно-научных миссий вновь выдвигалась на передний план. Заинтересованность в изучении новых территорий проявляло не только военное министерство, но и Русское географическое общество. В Средней Азии без его участия военные экспедиции практически не обходились. Естественно, что интересовали общество не сугубо военные аспекты. Круг задач исследователей был более широк. А поскольку многие офицеры были членами общества или принимали участие в его деятельности, то они и становились главными исследователями неизученных ранее территорий. К тому же в ходе военных действий доступ к этим территориям у офицеров был намного шире, чем у простых учёных. В качестве примера возьмём Хивинский поход 1873 г. Для военного министерства необходимо было составить карту Хивинского ханства, а также изучить ранее неизвестные районы. Что касается Русского географического общества, то оно ещё до похода разработало многоплановую программу

⁵³ Ю. Н. Абдуллаев, *Астрабад и русско-иранские отношения (вторая половина XIX–начало XX в.)* (Ташкент: Изд. ФАН УзССР, 1975), с. 50–51.

⁵⁴ Г. А. Хидояттов, *Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в XIX в. (60-70-х гг.)* (Ташкент: Изд-во ФАН УзССР, 1969), с. 395.

изучения занимаемого края.⁵⁵ Поэтому после занятия российскими войсками Хивы К. П. Кауфман снарядил военно-научную экспедицию для изучения старых русел Амударьи, которую возглавил полковник ГШ А. И. Глуховской. В её состав, помимо прочих, входило и несколько офицеров ГШ. В результате работ вышеозначенной экспедиции были впервые детально исследованы старые русла Амударьи – Даудандарья и Кунядарья, а также пространство между колодцами Игды и озером Сарыкамыш, и таким образом соединены съёмки топографов Туркестанского и Кавказского военно-топографических отделов 1871-1872 гг.⁵⁶ А исследования подполковника ГШ А. В. Каульбарса показали, что российские пароходы могут проходить из Аральского моря в Амударью несколькими путями.⁵⁷

Относительно дипломатических миссий в военное время сложно сказать, что они сохранялись в прежнем виде. Таких миссий, как уже упоминавшиеся, не было. Дипломатическая функция офицеров, в том числе и ГШ, сводилась к тому, что они могли вести переговоры с противником в ходе военных действий или участвовать в мирных переговорах по их окончании. Чаще всего им отводилась вспомогательная, но тем не менее важная роль. Исключением является разве что участие Н. П. Игнатъева в подписании Сан-Стефанского прелиминарного договора с Турцией в 1878 г., но Н. П. Игнатъев к тому времени уже давно был больше дипломатом, нежели военным. Для примера участия генштабистов в дипломатических делах можно привести Берлинский конгресс. Как известно, российскими представителями на конгрессе являлись А. М. Горчаков и П. А. Шувалов. А в мае 1878 г. на Берлинский конгресс в качестве помощников российских представителей были направлены полковники ГШ Г. И. Бобриков и А. А. Боголюбов, как специалисты: первый – по Сербии, второй – по Черногории. В качестве специалиста по Болгарии в Берлин был послан генерал-лейтенант ГШ Д. Г. Анучин. Они приняли участие в работе

⁵⁵ “Вопросы, предлагаемые императорским Русским географическим обществом при исследовании Хивинского ханства и сопредельных с ним степей”, *Известия Русского географического общества*, т. 9, № 2 (1873).

⁵⁶ Л. К., “Об исследовании старого русла Аму”, *Военный сборник*, № 10 (1873); А. И. Глуховской, “Сообщения об исследованиях древнего русла Амударьи”, *Известия Русского географического общества*, т. 11 (1875).

⁵⁷ “Хивинский поход в 1873 году. (По официальным источникам)”, *Военный сборник*, № 12 (1873), с. 217.

комиссии конгресса по разграничению, а затем возглавляли непосредственные работы по уточнению и проведению границ.⁵⁸ Ещё одним примером может служить персидское разграничение после покорения российскими войсками Ахал-Текинского оазиса в 1881 г. Российское правительство начало секретные переговоры о разграничении России с Персией, окончившиеся подписанием конвенции, ставшей фактически союзом против Великобритании. Ведший переговоры российский посланник И. А. Зиновьев не имел точных сведений о пограничных районах, поэтому по запросу министерства иностранных дел военное министерство командировало в помощь ему офицеров, знакомых с Закаспийской областью. В Тегеран были посланы подполковник ГШ А. Н. Кузьмин-Караваев и помощник заведующего Азиатской частью Главного штаба капитан ГШ Н. И. Янжул. Их непосредственное участие в разграничении в качестве комиссаров заключалось в определении и проведении границы в Закаспийском крае.⁵⁹

Что же касается агентурной разведки в ходе войны, то её ведение также приобретало новые черты. Сбор сведений о театре военных действий, о состоянии дел в стране непосредственно перед началом войны, подбор агентов и проводников, которые непрерывно обеспечивали бы армию сведениями – обо всём этом озабочивались заранее (хотя и не всегда). Главное место в обеспечении агентурными сведениями отводилось офицерам ГШ. Так, перед русско-турецкой войной 1877-1878 гг. в Румынию и Болгарию полевым штабом российской армии для сбора сведений о турках и изучения укреплений Рушчука был направлен полковник ГШ П. Д. Паренсов. Одновременно он занимался подбором людей для разведки. С помощью болгар он организовал широкую сеть информаторов, и в то же время сам активно участвовал в сборе необходимых данных о турецкой армии.⁶⁰ В сущности, такую же задачу имел перед собой и упоминавшийся

⁵⁸ О. А. Гоков, "Офицеры российского Генштаба в русско-турецкой войне 1877-1878 гг.", с. 148.

⁵⁹ Б. Маннанов, *Из истории русско-иранских отношений в конце XIX - начале XX века* (Ташкент: Изд-во ФАН УзССР, 1964), с. 57–58.

⁶⁰ Подробнее см.: *Очерки истории российской внешней разведки* (Москва: Международные отношения, 1996), т. 1; П. Д. Паренсов, "Из прошлого. (Воспоминания офицера Генерального штаба о войне 1877-1878 гг.)", *Русская старина*, № 1-12 (1899); А. А. Улузян, *Болгарский народ и русско-турецкая война 1877-1878 гг.* (Москва: Наука, 1971).

полковник ГШ Н. И. Гродеков, перед второй Ахал-Текинской экспедицией отправленный в Персию. Агентурную разведку направленную непосредственно на подготовку к войне координировали также военные агенты.

С началом военных действий в целом разведку на театре возглавляли офицеры ГШ. Согласно “Положению о полевом управлении войск в мирное и военное время”, утверждённому 17 апреля 1868 г. Александром II, полевое управление Действующей армии состояло из полевого штаба и ряда других структур. Ответственность за организацию разведки возлагалась на начальника полевого штаба. Существовавшие ранее должности генерал-квартирмейстера и дежурного генерала были упразднены, а взамен введена должность помощника начальника полевого штаба. Он должен был осуществлять руководство службой ГШ в военных условиях. Чины для поручений, состоявшие в распоряжении начальника штаба, должны были производить рекогносцировки, осматривать и выбирать позиции, проверять караулы и аванпосты, а также выполнять различные поручения. В Военно-топографическом отделе штаба, возглавляемом офицерами ГШ из числа окончивших Геодезическое отделение Академии ГШ, должны были сосредотачиваться топографические и статистические сведения о театре войны. Непосредственная же ответственность за сбор сведений о противнике и театре войны лежала на штаб-офицере над вожатыми. Эту должность занимал офицер ГШ, подчинённый непосредственно начальнику полевого штаба. Штаб-офицер над вожатыми “заведывает собиранием сведений о силах, расположении, передвижениях и намерениях неприятеля, распоряжается доставлением армии надёжных проводников и лазутчиков, составляет общие своды из их показаний, проверяет показания пленных, собираемыми периодическими изданиями. ... Он заботится об отыскании для армии проводников из местных жителей и распределяет их по частям войск согласно указания Начальника армии”, которому непосредственно подчинён.⁶¹ Штаб-офицер над вожатыми должен был проверять сведения, полученные от лазутчиков и пленных, следить за сведениями, помещаемыми о неприятеле в периодических изданиях (в этом ему во многом помогали донесения военных агентов из различных стран с краткими, наиболее значительными, выдержками из прессы), а также

⁶¹) РГВИА, ф. 485, д. 1162, л. 1.

собирать эти сведения всеми возможными путями.⁶² Например, в ходе русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на такую должность был назначен полковник ГШ Н. Д. Артамонов.

В Средней Азии война, а, следовательно, и агентурная разведка, имели свою специфику. Поскольку местные государства не рассматривались в качестве равноправных с Россией, а её войны здесь носили колониальный и перманентный характер, то и организация армии была несколько иной. Ведение здесь войны по-европейски исключалось. С одной стороны, этому способствовало мировоззрение верхушки российского общества, рассматривавшей (как и европейцы в целом) азиатский мир как мир варваров, которым нужно прививать цивилизацию. В отличие от Европейского (куда относилась в какой-то степени и Османская империя), Центральноазиатский театр был театром противостояния “цивилизованного” государства с “нецивилизованными образованиями”. Естественно, что на варваров правила, действовавшие в отношениях между “цивилизованными” государствами, преимущественно не распространялись. Это относилось и к правилам войны. С другой стороны, военная организация, например, среднеазиатских ханств была намного слабее европейской, поэтому для войны с ними не нужно было создавать большие армии, как это практиковалось на Европейском театре. Роль таких армий выполняли экспедиционные отряды. Организация и координация агентурной разведки в них ложилась на плечи начальников штабов отрядов. В основном, информация о противнике добывалась через лазутчиков, от местного населения, из допросов пленных и рекогносцировок отдельных отрядов экспедиционных войск.

В связи с разведывательной деятельностью офицеров ГШ нельзя не затронуть и ещё одну их функцию, которая тесно переплелась с первой – научно-исследовательскую.

В результате внешней экспансии России на мусульманском Востоке во второй половине XIX в. возникла необходимость сбора сведений о местных странах и народах. Поскольку экспансия носила преимущественно военный характер, то и сбором сведений в основном занимались военные, в том числе и офицеры ГШ. Сведения о Востоке требовались разнообразные, не только относящиеся к военной сфере,

⁶² П. Зайончковский, *Военные реформы 1860-1870 годов в России* (Москва: Изд-во Московского ун-та, 1952), с. 118.

поэтому занимавшимся разведкой офицерам, помимо данных о вооружённых силах, укреплениях, путях сообщения и пр., волей-неволей приходилось изучать историю того или иного края, специфику быта его населения, этнические и религиозные особенности, особенности экономических и политических отношений. Так, постепенно, из числа военных разведчиков выкристаллизовывается та их часть, которая посвящает свою жизнь не только разведке, но и изучению Востока. Не удивительно, что именно на вторую половину XIX в. приходится всплеск исследований по Востоку (и мусульманской его части в том числе), а также окончательное оформление военного востоковедения как составной части ориенталистики в целом.

Поскольку становление и развитие военного востоковедения достаточно неплохо изучено в отечественной историографии,⁶³ мы остановимся лишь на отдельных моментах, представляющих интерес для нашего исследования, а точнее – на роли офицеров ГШ в его становлении.

В силу своей подготовки офицеры ГШ не являлись ни профессиональными историками, ни этнографами, ни экономистами. Но в силу своей работы они были исследователями, и их исследования внесли много нового в изучение Востока. Как верно отмечает в своей работе Е. С. Сыздыкова, «именно офицеры русской армии с 20-х до 80 – 90-х годов XIX в., оставались узкой корпоративной группой, обладающей прерогативами первоочередного права в освещении политической истории и культуры казахского народа».⁶⁴ От себя добавим, что и мусульманских стран, в целом.

⁶³ С. Н. Абашин, В. О. Бобровников, М. Д. Никитин, А. В. Ремнев, «Российский имперский ориентализм второй половины XIX–начала XX в.», http://www.iriss.ru/attach_download?object_id=000150071344&attach_id=000486; «Востоковедение в России», <http://www.fundarabist.ru/Know/VG/>; *История отечественного востоковедения до середины XIX века* (Москва: Наука, 1990); *История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года* (Москва: Восточная литература, 1997); А. А. Колесников, *Русские военные исследователи Азии* (Душанбе: Дониш, 1997); «Родословная военных переводчиков», <http://www.clubvi.ru/index.htm>; *Русские военные востоковеды до 1917 г. Библиографический словарь*, сост. М. К. Басханов (Москва: Восточная литература, 2005); Е. С. Сыздыкова, *Российские военные и Казахстан: вопросы социально-политической и экономической истории Казахстана XVIII–XIX вв. в трудах офицеров Генерального штаба России* (Москва: Реклама-Мастер, 2005), с. 39–74.

⁶⁴ Е. С. Сыздыкова, *Российские военные и Казахстан: вопросы социально-политической и экономической истории Казахстана XVIII–XIX вв. в трудах офицеров Генерального штаба России*, с. 77.

Как уже отмечалось, офицеры ГШ представляли собой в основном наиболее высокообразованную часть российских военных. И если военной разведке и восточным языкам их специально не обучали, то инструментарий для страноведческих исследований в Академии ГШ им давался достаточный, чтобы, используя его и опираясь на свои личные качества, заниматься изучением стран Востока в военно-статистическом отношении. Поскольку в рассматриваемый период в России шло широкомасштабное накопление знаний о мусульманском Востоке, то, естественно, работы военных востоковедов-генштабистов носили прежде всего прикладной, практический характер. При этом не следует забывать, что военное востоковедение преследовало преимущественно военные и административные цели, а уж потом – научные и другие.

Несмотря на указанные особенности, немало военных, в том числе и офицеров ГШ, посвятили себя служению науке, тем более, что служба позволяла сочетать служебные дела и научные интересы. Многие из них постоянно участвовали в работе Русского географического общества, были его действительными членами, публиковались в его изданиях и даже направляли работу. Так, например, одним из вдохновителей активной торгово-военной экспансии империи в Средней Азии был полковник ГШ А. И. Глуховской, а его обоснования базировались на громадной исследовательской работе, проделанной им в регионе в том числе и под патронажем географического общества.⁶⁵ О том, какое место занимали генштабисты среди военных востоковедов даёт представление далеко не полный, но лучший на данный момент библиографический словарь “Русские военные востоковеды”, подготовленный М. К. Басхановым.⁶⁶ Из 398 имён военных востоковедов, приводимых в нём, 159 (почти 40 %) – офицеры ГШ. Неоценимый вклад в исследование Востока (и мусульманской его части в то числе) внесли такие генштабисты, как И. Ф. Бларамберг, М. И. Венюков, А. И. Глуховской, М. В. Певцов, Н. М. Пржевальский, Д. В. Путята и др.

⁶⁵ О. А. Гоков, *Роль офицеров Генерального штаба в осуществлении внешней политики Российской империи на мусульманском Востоке во второй половине XIX в.* Кандидатская диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук (Харьков, 2004), с. 98-99, 103-04.

⁶⁶ *Русские военные востоковеды до 1917 г. Библиографический словарь*, сост. М. К. Басханов (Москва: Восточная литература, 2005).

В целом, сбор, обработка и использование разведывательной информации во многом зависели от личных качеств офицеров занимавшихся разведкой, от их знаний, умений, целеустремлённости, преданности своему делу. Личностный фактор являлся одним из тех, на которые обязательно необходимо делать поправку при характеристике качества и уровня разведки России на мусульманском Востоке. В качестве примера можно привести действия Красноводского отряда в Хивинском походе российских войск 1873 г. Его командир – полковник ГШ В. И. Маркозов – двинулся в путь не проведя предварительную разведку местности, по которой предстояло идти на соединение с другими отрядами. В итоге, отряд до места назначения не дошёл и вынужден был вернуться назад.⁶⁷ Ещё одним примером может служить русско-турецкая война 1877-1878 гг. Одни исследователи считают, что разведка перед и во время войны была организована достаточно хорошо,⁶⁸ другие утверждают обратное.⁶⁹ На самом же деле правы и те, и другие, поскольку агентурная разведка, благодаря стараниям офицеров ГШ П. Д. Паренсова, Н. Д. Артамонова, Г. И. Бобрикова, была налажена на достаточно высоком уровне. Дело было в использовании сведений, которые доставляли агенты, а здесь как раз всё упиралось в личные качества помощника начальника штаба генерал-майор ГШ К. В. Левицкого, да и самого начальника штаба Действующей армии – А. А. Непокойчицкого. А вот они-то зачастую тормозили прохождение важной информации, не умея оценить её по достоинству. К тому же на местах организация разведки возлагалась на офицеров ГШ, а далеко не все из них были способны занимать свои должности. Здесь нужно отметить важный недостаток, который влиял на деятельность разведки. Несмотря на высокий в целом уровень подготовки офицеров ГШ, многие поступали, оканчивали

⁶⁷ О. А. Гоков, «Офицеры российского Генерального штаба в Хивинском походе 1873 г.», *Наука и образование: Материалы всероссийской научной конференции* (Белово, 2003), с. 390-91.

⁶⁸ П. Горанов, Л. Спасов, «Участие болгарских патриотов в русской разведке в период освободительной войны», в кн. *Незабываемый подвиг. Некоторые аспекты русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и освобождения Болгарии от османского ига* (Львов: Выща школа, 1980), с. 41-55; *Очерки истории российской внешней разведки* (Москва: Международные отношения, 1996), т. 1; А. А. Улунян, *Болгарский народ и русско-турецкая война 1877-1878 гг.* (Москва: Наука, 1971).

⁶⁹ К. К. Звонарев, *Агентурная разведка* (Киев: Изд. дом Княгиня Ольга, 2005), с. 50-51.

Академию и зачислялись на службу по протекции, благодаря связям, титулам. Протекционизм, естественно, отражался на указанной части офицеров, поскольку многие из них шли в ГШ не ради службы, а ради быстрого роста в чине, карьерного роста, далеко не все были практически подготовлены к несению своих обязанностей. А военная разведка, которой специально в России не обучали, требовали прежде всего практики и личной инициативы. Естественно, назначенные в ходе войны на роль организаторов разведки, такие офицеры сталкивались с массой трудностей и создавали трудности другим, а это отражалось и на качестве разведки в целом. К недостаткам можно отнести и то, что деятельность генштабистов-разведчиков затруднялась местными условиями, прежде всего иной культурой населения региона, с которой на практике многие из них были знакомы слабо, и незнанием языков.

Накладывало отпечаток на работу военной разведки и соперничество с министерством иностранных дел. Дело в том, что в рассматриваемый период внешнюю разведку относительно независимо осуществляли сразу несколько центральных ведомств – военное, внутренних дел, финансовое. Но все они должны были сноситься с министерством иностранных дел, поскольку оно курировало деятельность российских подданных за границей. Больше всего эта зависимость тяготила военное министерство. На мусульманском Востоке Россия проводила активную внешнюю политику и военные играли здесь ведущую роль. Дипломаты же становились своего рода сдерживающим фактором, ограничивавшим их свободу действий. И это постоянное противостояние (на которое накладывались и межличностные отношения), попытки военных вырваться из-под “крыла” дипломатов приводили часто к довольно серьёзным негативным внешнеполитическим последствиям, отражавшимся на престиже России в глазах восточных правителей, в свою очередь влияя и на качество военной разведки. Наиболее ярким примером такого противостояния является соперничество дипломатического и военного представителей России в Персии.⁷⁰

Оценивая военную разведку на мусульманском Востоке, необходимо отметить, что в её организации были как положительные

⁷⁰ Подробнее см.: О. А. Гоков, “Российские офицеры и персидская казачья бригада (1877-1894 гг.)”, *Canadian American Slavic Studies*, vol. 37, № 4 (2003).

моменты, так и отрицательные. На протяжении второй половины XIX в. разведывательные структуры империи находились в процессе структурирования и поисков наиболее приемлемых методов работы, завершившемся лишь в начале XX в. Несмотря на попытки организовать военную разведку в чёткую систему, она, в основном, носила в рассматриваемый период всё же спорадический характер, активизировалась по мере надобности. Поэтому, несмотря на относительно постоянное поступление данных о регионе, этот процесс не был до конца упорядочен. Например, военные округа действовали чаще всего несогласованно, независимо друг от друга, что затрудняло чёткую работу по сбору сведений. Вследствие этого сбор и обработка информации не были разделены, поскольку в этом просто не было необходимости: ценной информации поступало не так уж и много. Одним из недостатков разведывательной системы России в мусульманских странах было и то, что офицеры, занимавшиеся организацией разведки, не получали почти никакой специальной подготовки, поэтому вынуждены были действовать методом проб и ошибок, что часто отрицательно отражалось на качестве. Важно также сказать, что военная разведка на мусульманском Востоке (как, впрочем, и в других регионах) во многом зависела от личных качеств самих офицеров, ею занимавшихся.

Что касается положительных моментов, то здесь следует отметить, что если в середине XIX в. разведка не имела ни чётко налаженного плана, ни специальных координирующих органов, то к концу века в системе её организации произошли значительные изменения в лучшую сторону. Наметилась определённая структура “Центр – периферия”. Выкристаллизовались органы военной разведки, начала проявляться структура планомерного получения информации. Основная информация о возможных противниках поступала в Военно-учёный комитет и Азиатскую часть Главного штаба, где она подвергалась обработке, и на её основе составлялись стратегические обзоры и планы. В этот же период формировался аппарат военной разведки. Ею занимались преимущественно офицеры ГШ. Важным моментом стало осознание военным руководством необходимости специальной подготовки разведчиков, особенно для стран Востока.